

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Ермолаева Елена Леонидовна

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ "ИСТИНА–ЛОЖЬ"
В РАННЕГРЕЧЕСКОМ ЭПОСЕ**

Специальность 10.02.14 –
Классическая филология
византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2002

Диссертация выполнена на кафедре классической филологии
филологического факультета Санкт-Петербургского государственного
университета

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор А. И. Зайцев

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
вед. научн. сотрудник А. К. Гаврилов

кандидат филологических наук,
старший преподаватель М. М. Позднев

Ведущая организация: Петрозаводский государственный
университет

Защита состоится 11 апреля 2002 г. в 16 часов на заседании диссертационного
совета Д.212.232.23 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата
филологических наук в Санкт-Петербургском государственном университете по
адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11, в ауд. 25.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького
Санкт-Петербургского университета.

Автореферат разослан " " 2002 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор

Н. Д. Светозарова

Предмет исследования. Предметом диссертационного сочинения является лексика со значением "истина" и "ложь" в древнегреческом языке. Материалом исследования стал раннегреческий эпос: поэмы Гомера и Гесиода, гомеровские гимны. В зависимости от частоты употребления слова в греческой литературе после Гомера, его описание может не ограничиваться пределами раннегреческого эпоса, но давать представление об истории слова вплоть до V–IV вв. до н. э., а в некоторых случаях и до первых веков христианской эры.

Актуальность исследования. Реконструкция представлений о мире на основе языковых данных – одно из перспективных направлений исторической лексикологии и семасиологии.

Цель исследования. Автор ставит своей целью собрать во всем многообразии и описать лексико-семантическое поле "истина-ложь" в древнегреческом языке на материале раннегреческого эпоса; выделить основные и периферийные слои лексики; дать максимально точную и дифференцированную классификацию значений каждого слова, на основании которой произвести сравнительный анализ синонимов.

Диссертация является лингвистическим исследованием, позволяющим сделать вывод о том, как формировалось лексико-семантическое поле "истина-ложь" у греков в период с VIII по VI вв. до н. э. Философское понятие истины в нашей работе не рассматривается, она лишь предоставляет материал для философского или этического исследования этого понятия.

Метод работы. Описывая лексику языка, существующего лишь в письменных памятниках, автор исходит из того, что значение слова невозможно рассматривать в отрыве от контекста, поэтому метод исследования, применяемый в диссертации, является традиционным – толкование текста. Под этим подразумевается текстологический анализ, сравнение рукописных чтений, оценка имеющихся вариантов и конъектур в принципиально важных местах текста. Кроме того, применяется историко-этимологический, семантико-стилистический метод, а также метод статистической обработки материала. Инструментарий исследования включает в себя использование критических изданий текстов, схолиев античных грамматиков, комментариев, научных статей и монографий, а также специальных

лексиконов, индексов и конкордансов к Гомеру, Гесиоду, гомеровским гимнам, Пиндару и другим авторам. Кроме того, привлекаются различные словари древнегреческого и других языков, такие как словарь микенского языка, словарь раннегреческого эпоса (*Lfgre*), словарь древнегреческой лирики, словарь синонимов древнегреческого языка И. Г. Г. Шмидта, тезаурусы П. Роже и Ф. Дорнзайфа и другие словари. Электронный Тезаурус греческого языка (*TLG*, version 1999), а также программа *Perseus*, помещенная в интернете, являются тем инструментарием, который расширяет наши возможности для статистического анализа материала в диахронии. Таблицы и график, приводимые в тексте диссертации, отражают результаты такого анализа.

Практическая ценность. Настоящее сочинение может быть использовано при составлении понятийного словаря древнегреческого языка для описания конкретных ячеек "истина" и "ложь" с подробной градацией оттенков и тональностей их значений. Диссертация может быть использована при исследовании философского и этического понятия "истины" у греков. Материал, собранный автором, будет полезен и тем, кого интересуют проблемы художественного вымысла (*fiction*) в греческой литературе, отношение к *fiction* у разных авторов в период архаики. Текстологические этюды диссертации могут использоваться при комментированном чтении соответствующих текстов.

Научная новизна. В ходе работы стало ясно, что в лексико-семантическом поле "истина-ложь" внимание исследователей больше привлекала группа "истина", в особенности слово ἀλήθεια. Группа же "ложь" разработана в меньшей степени, а ее периферийный слой и вовсе не был систематически описан. В то же время, обнаружилось, что группы слов, которые находятся на периферии поля "истина-ложь", а также метафорические выражения и слова, которые участвуют в формировании литературных топосов, связанных с темой "истины-лжи", играют бóльшую роль в данной группе, чем предполагалось раньше. В отечественной научной литературе монографическое исследование на предложенную тему отсутствует. Эту лауну автор и постарался заполнить.

Апробация исследования. Основные положения диссертации были изложены в докладах, читавшихся на ежегодной межвузовской научно-методической конференции на филологическом факультете СПбГУ в 1996, 1997, 2000, 2001 гг.,

на чтениях, посвященных памяти профессора И. М. Тронского в ИЛИ РАН в 1998, 2000 гг., на аспирантском семинаре в 1996, 2000, 2001 гг. и на заседаниях кафедры классической филологии СПбГУ в 1998, 1999 гг. По материалам диссертации опубликовано 3 статьи, тезисы 2-х докладов.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, указателя исследуемых слов, а также списка главных источников и научной литературы, используемых в работе; в конце приводятся *Gratias*.

Во **Введении** излагается цель и метод исследования, а также поясняется основная терминология, используемая в работе. Под термином "лексико-семантическое поле" (*Wortfeld*) автор понимает совокупность лексических единиц, объединенных общей архилексемой (лексемой с обобщенным значением), скажем, "истина". На первом этапе исследования ставится задача определить все поле так, чтобы в синонимике группы вместить все уровни лексики; затем необходимо произвести разграничение лексического поля, чтобы определить основные и периферийные слои лексики. К основному слою относятся слова, имеющие прямое значение "истина, правда" и "ложь, обман". К периферийному же слою принадлежат те слова, у которых соответствующее значение является переносным или окказиональным.

При описании лексики в первых двух главах автор придерживается следующей схемы с соответствующими условными сокращениями: этимология (Е), словоупотребление (С), классификация значений слов (К) и примеры, следующие в порядке классификации (П). В начале описывается употребление соответствующего слова у Гомера, затем в диахронии после Гомера.

Поскольку работа выполнена на материале раннегреческого эпоса, а также других поэтических жанров, испытавших его влияние, в ней так или иначе затрагиваются проблемы, связанные с особенностями эпической поэзии. Автор касается следующих аспектов эпического стиля: формулы и типические сцены; модификация (*flexibility*) формул; стилистически нейтральные формулы и их более экспрессивные варианты; процесс отбора формул; формула в диахронии; *ганаксы*; *метрические вольности* и т. д.. При этом автор ссылается на *Locī classici* науки об эпических формулах, а также приводит последнюю литературу, посвященную этим проблемам.

Далее излагается *история вопроса*. Первые спорадические попытки собирать лексику с семантикой "истины-лжи" предпринимались уже античными грамматиками и византийскими лексикографами в связи с необходимостью толковать менее понятные слова с помощью их более понятных синонимов. Однако последовательные описания синонимии появляются лишь в XIX в. В синонимическом словаре древнегреческого языка Шмидта (1886) уделяется внимание группам "истина" (т. IV, § 178) и "ложь" (т. IV, § 172). Впервые специально исследовал слово ἀλήθεια, его производные и синонимы Г. Шторц, диссертация которого "Gebrauch und Bedeutungsentwicklung von ἀλήθεια und begriffsverwandter Fächer in der griechischer Literatur vor Plato" (машинопись) вышла в 1922 г. в Тюбингене. В 1933 г. в Геттингене состоялась защита диссертации В. Лютера "Wahrheit und Lüge im ältesten Griechentum". Опубликованная через два года в виде монографии, она стала ценным пособием для всех, кто занимается лексикой, имеющей семантику "истины" или "лжи". Признавая неоспоримые достоинства сочинения Лютера, мы, тем не менее, в ряде случаев не согласны с автором в интерпретации отдельных мест, видим у него явную тенденцию устранения гапаксов в гомеровском тексте, а также отрицание возможности этического значения "истины" у Гомера.

В конце 50-х гг. в Германии появляются новые лексикологические исследования, посвященные понятиям истины и лжи у греков: одна за другой в Мюнхене и Тюбингене выходят диссертации Э. Милерта и И. Кетцлера, продолжающие анализ Лютера и выполненные на материале аттической трагедии.

Наконец, в 1976 г. в Париже вышла монография Ж. П. Леве "Le Vrai et le Faux dans la Pensée Grecque Archaique", которая, безусловно, является шагом вперед по сравнению с предыдущими исследованиями. Она включает в себя обзор данных индоевропейской компаративистики, микенского материала, эпиграфики, описание особенностей диалектного употребления слов исследуемой лексико-семантической группы, а также подробную библиографию с отдельным разделом, посвященным философскому понятию ἀλήθεια. Следует однако отметить, что эта монография, весьма ценная как своего рода справочник по данному вопросу, не лишена недостатков, к которым, в частности, относится тенденция автора уходить от проблем, связанных с текстологией отдельных спорных мест. Кроме того,

статистический анализ, результаты которого Леве приводит в нескольких таблицах, может быть более эффективно выполнен с помощью электронного тезауруса греческого языка, лишь появившегося в то время и еще не использованного автором.

Среди важных статей, касающихся различных аспектов исследования лексики со значением "истина", назовем статьи Фриска, Хайча, Кришера, Георгулиса, Коморницкой, Коула.

Методически полезными оказались монографии И. Латача (1966), Т. Яна (1987), Г. Клосса (1994), в которых описаны лексико-семантические поля тех или иных понятий в раннегреческом эпосе. Что касается теоретических работ, посвященных семантическим полям, назовем предисловие к понятийному словарю немецкого языка Ф. Дорнзайфа, теоретические части вступлений трех указанных выше монографий о семантических полях. В отечественной литературе сошлемся на работы Н. Г. Долгих, А. Е. Бертельса. Наконец, важным для нас было предисловие А. К. Гаврилова к "Предметно-понятийному словарю греческого языка (крито-микенского периода)", где описывается проект понятийного словаря древнегреческого языка, составленного на основе понятийной системы Р. Халлига и В. фон Вартбурга.

Глава I. Лексико-семантическое поле "истина"

В данную лексико-семантическую группу входят следующие слова:

Основной слой: ἀτρεκής, νημερτής, ἔτεός, ἔτυμος, ἐτήτυμος, ἀληθής.

Периферийный слой: διηνεκέως, ἰθύς (εὐθύς), κατὰ μοῖραν, ὀρθός, σάφα.

Описание лексики выполнено в соответствии со схемой, упомянутой выше. Кроме того, поскольку слова данной группы употребляются почти исключительно в формулах, их сравнительный анализ производится на основе дополнительных, выделенных нами критериев:

- a) формульность – гибкость употребления слова;
- b) ситуации употребления формулы (напр., типические сцены);
- c) сфера значений слова / формулы (напр., относится к области прорицаний);
- d) идентичность персонажей, которые пользуются данным словом;

е) ограничения в употреблении того или иного синонима по отношению ко времени, о котором идет речь (скажем, слово никогда не употребляется по отношению к прошлому);

ф) тенденции развития значения слова (напр., выходит из употребления после Гомера или, наоборот, приобретает новые значения).

В первой главе используется метод, который условно можно назвать каталогизированием слов. Он оправдывает себя как способ сравнить синонимы, чтобы определить их различие в отношении метрики, морфологии и семантики.

Пользуясь такой методикой, автор приходит к выводу о том, что слова лексико-семантической группы "истина" употребляются у Гомера в определенной системе, более или менее жестко обусловленной, как в плане метрики, так и семантики. Если представить себе эту систему в целом, то получится приблизительно следующая картина. Формулы с ἀτρέκείως встречаются в типических сценах при описании ситуации *знакомства*, а также служат *гарантией точности* при перечислении сведений *Punkt für Punkt*. Νημερτής стоит в формулах, связанных с точными ответами, в частности, в контексте всякого рода предсказаний и прорицаний, например, в формуле γέρων ἄλιος νημερτής ("старец морской в прорицаниях безошибочный"). Ἐτεόν, за исключением одного случая, употребляется в формуле εἰ ἔτεόν γε "действительно ли, правда ли, точно ли...", которая встречается в вопросах или предположениях. Формулы с ἀληθέα (-εῖην, -ές) появляются, когда речь идет о перечислении (καταλέγειν) сведений. Пример Od. XVI, 61, где свинопас Евмей точно (=правдиво) пересказывает Телемаху "критские враки" Одиссея слово в слово, ничего не добавляя и не отнимая, отчетливо показывает, что ἀληθής может относиться к *форме передачи информации*, а отнюдь не к ее содержанию, что дает парадоксальный, по сути, результат: то, что охарактеризованно как ἀληθής, на деле может оказаться ложью. Прилагательные ἔτυμος, ἐτήτυμος в большей степени свободны от формул, чем остальные слова данной группы, они имеют почти тот же набор значений, который будет у ἀληθής впоследствии в VI–V вв. до н. э.

Кроме ограничений, которые накладывает на употребление этих слов традиционная связь формул с контекстом, обнаружили и другие. Например,

ἀληθής никогда не звучит в устах богов или прорицателей. ἄτρεικής не употребляется, когда говорят о прошлом, а ἀληθής почти никогда о будущем. О будущем говорится при помощи νημερτής.

Разумеется, в этой системе неизбежно возникают разного рода нарушения, например, из-за взаимозаменяемости формул, имеющих одинаковую позицию в стихе, и т. п. Мы рассматриваем их в одном ряду с такими явлениями как гапаксы, метрические вольности гекзаметра, т. е. явлениями, характерными для эпоса, причем именно раннего, еще "нерегламентированного" по сравнению с более поздним литературным.

Слова основного слоя лексико-семантической группы "истина" делятся на две группы: те, что образованы от корня *es- и composita negativa. Composita negativa связаны с конкретными метафорами, которые, скорее всего, были стерты и не ощущались в разговорном языке, но, возможно, сохранялись в поэтическом: говорить правду значит "не отклоняться от прямого пути", говорить "без изворотов, без обиняков" (ἄτρεικής), "не ошибаться, попадать прямо в цель" (νημερτής), "ничего не скрывать или не забывать" (ἀληθής). Совершенно справедливы выводы Хайча и Фриска о том, что внутреннее строение этих слов может придавать им бóльшую выразительность и конкретность.

Итак, у Гомера существует несколько различных, вполне конкретных аспектов понятия "истина": то, что соответствует действительности, точность, безошибочность, полнота сведений (от начала до конца), подлинность, правдивость, справедливость, ясность (σάφα), умение говорить "как подобает". Абстрактного же значения "истины", которое будет свойственно ἀλήθεια позднее, особенно, начиная с VI–V вв. до н. э., у Гомера еще нет. Нет и значения "искренний".

Уже начиная с Гесиода описанная выше система распределения синонимов в группе "истина" начинает распадаться. Гомеровские клише со словами "истины" сохраняются, поэты повторяют их, однако нередко уже как престижное старинное украшение. То, что composita negativa отвечали в гомеровской системе приблизительно за одно и то же, а именно за точность передачи сведений, вело, по всей видимости, к тому, что одно из этих слов могло вытеснить остальные, когда условности контекстов, разграничивавшие сферы их употребления в эпосе,

перестали ощущаться. Именно это и произошло уже у Эсхила, который считается наиболее консервативным, или "гомеровским", автором в отношении словоупотребления. Однако у него мы наблюдаем, что функции *νημερτής* и *ἀτρεκής* полностью замещены *ἀληθής*, а последнее находится в тех же отношениях с *ἐ(τή)τυμος*, что и вся триада слов у Гомера. У Эсхила *ἀληθής*, как кажется, впервые засвидетельствовано в значении "искренний" (Ag. 1550 Page). У Пиндара уже исчезает и разграничение значений между так называемыми es-словами и *ἀληθής*. Последнее употребляется наряду с остальными прилагательными, но может обозначать любые виды правды.

Таким образом, после Гомера *ἀληθής* с производными становится "абсолютным лидером" в данной группе. Остальные слова группы "истина", кроме *ἔτυμος*, остаются в литературе по большей части маркированными как гомеровские, поэтические, эпические.

Ответ на вопрос, почему именно *ἀληθής* постепенно вытесняет остальные слова группы (хотя в гомеровских гимнах значительно преобладает *νημερτής*, и это понятно: речь идет о богах), может быть только гипотетическим. Наша гипотеза заключается в том, что, поскольку контексты, в которых стоит формула с *ἀληθείη*, *ἀληθής*, имеют обычный, нередко рутинный характер, слова *ἀληθείη*, *ἀληθής* получили более широкое распространение в обиходной речи, чем остальные синонимы. Этим может объясняться то, что у Гомера они никогда не звучат в устах богов или прорицателей. В пользу такой интерпретации говорит и наше понимание II. XII, 433, где *ἀληθής* в отличие от всех остальных случаев употребляется вне формулы *асс. + verba dicendi*, в форме *nom. sing.* и указывает на характеристику пряжи, взвешивающей шерсть. Существенно, что интересующее нас слово стоит в сравнении, а они, как показал Шипп, были менее традиционны, чем основной текст поэмы.

С другой стороны, значение *ἀληθείη*, *ἀληθής*, связанное с точным перечислением фактов, как нельзя лучше отвечает тенденции к систематизации, которая усиливается в VII в. до н. э. Систематизация греческого пантеона построена Гесиодом по генеалогическому принципу. "Генеалогии" – так называлось сочинение и одного из первых известных нам историков-логографов Гекатея, в котором речь шла о генеалогиях знатных греческих родов. Так же как и

Гесиод, в прологе своего сочинения Гекатей заявляет о том, что будет излагать истину (τάδε γράφω, ὡς μοι δοκεῖ ἀληθέα εἶναι). Надо полагать, он имел в виду сведения, свободные от того, что он считал вымыслом и отвергал (λόγοι γελοῖοι). Эту мысль, а вместе с ней и слово, позже повторит Фукидид (IV, 94). Слово ἀλήθεια прочно вошло в историческую прозу (например, согласно *TLG*, у Геродота ἀληθής с производными встречается 79 раз, у Фукидида 42).

В первой главе, кроме пассажа об II. XII, 433, есть еще одно текстологическое отступление, которое посвящено II. XXI, 255: πολλ' ἔτεά τε καὶ οὐκί· χόλος δέ τε καὶ τὰ κελεύει (Allen). Главную трудность в этом стихе представляет форма ἔτεά, нигде более не засвидетельствованная в греческой литературе и создающая метрическую аномалию (трибрах во второй стопе). Гапакс формы вновь, как и в II. XII, 433, появляется в сравнении: Эней призывает Ахилла скорее начать поединок, вместо того чтобы осыпать друг друга оскорблениями, как это в обычае у женщин, которые бранятся так, что "много и правды, и неправды (в их словах)" (πολλ' ἔτεά τε καὶ οὐκ...). Кроме сложностей формального порядка, не совсем ясно, что значит ἔτεά.

Конъектуру Аристарха к этому месту – ἔόντα вместо ἔτεά – мы расцениваем как диагностическую. Ван Левен, конъектуру которого принимает Лютер, меняет интерпункцию и предлагает читать обычное для Гомера ἔτέον: ἔτέον τε καὶ οὐκί. Однако после экскурса, показавшего особенности употребления слова ἔτέον в греческой литературе, ясно, что эта конъектура неприемлема, поскольку в ней не учитывается, что слово ἔτέον у Гомера всегда стоит в формуле. Следовательно, предлагая единственный вариант с ἔτέον вне формулы, ван Левен создает дополнительные сложности. Значение же "справедливо", которое, ван Левен, по всей вероятности, хочет здесь видеть ("они сильно бранятся; как справедливо, так и не<справедливо>"), у ἔτέον отсутствует.

К. Гейне приводит конъектуру Р. Бентли: πόλλ' ἔτε' ἠδὲ καὶ οὐκί, которая кажется блестящей: устраняя трибрах, она сохраняет форму ἔτεά. Однако то, что у Гомера засвидетельствовано еще два примера подобной метрической аномалии, является, на наш взгляд, достаточным аргументом в пользу сохранения рукописного чтения, содержащего трибрах.

Впоследствии слово *ἔτεόν* почти выходит из употребления вместе с эпической формулой. Однако оно удивительно часто встречается у Аристофана (14 раз). Складывается впечатление, что у Аристофана *ἔτεόν* передает какую-то особенную интонацию ("Что, в самом деле, происходит?"), свойственную разговорной речи, как, например, слово *ἄληθες*, "в самом деле". По наблюдению Милерта ироническое *ἄληθες* у Аристофана всегда предшествует вокативу, снабженному ругательством (Ach. 557, Av. 174, Lys. 433, Pl. 123).

В заключении главы об "истине" дается таблица частотности употребления слов с этим значением с VIII по IV вв. до н. э., составленная при помощи *TLG*, и график, отражающий данные таблицы.

Глава II. Лексико-семантическое поле "ложь, коварство, обман"

Основной слой: *ψεύδος, ἀπάτη, ἀπαφίσκω, δόλος*.

Периферийный слой: *ἀγκυλομήτης, αἰμύλιος, αἰμύλος, αἰμυλομήτης; αἰολομήτης; ἐλεφαίρομαι; ἐπίορκος; ἠπεροπεύς; θέλγειν; κακοῤραφίη, κέρδος, κερδαλέος, κερδαλέοφρων, πολυκερδής, κέρτομος, κερδοσύνη; κλέπτειν, κεύθειν, κλεπτοσύνη, κλεψίφρων, ἐπίκλοπος; δέσμα, δεσμός, λόχος; παράφημι; παραβλήδην, παράβολα, παρακλιδόν, παρέξ εἰπεῖν; παρατεκταίνομαι ἔπος; ποικιλόβουλος, ποικιλομήτης, πολύμητις, πολυμήχανος, πολύτροπος, πολυπαίπαλος; σκολιός; τρώκτης.*

В отличие от лексико-семантической группы "истина", группа "ложь" оказалась более разнообразной за счет лексики, которая относится к периферийному слою. Многие слова периферийного слоя принадлежат одновременно к разным лексико-семантическим полям, т. е. находятся на их пересечении. Например, *κλέπτειν* с производными относится к лексическому полю "воровство, грабеж", однако, как будет показано далее, и к полю "ложь".

Другой особенностью данной группы является то, что ее слова не столь жестко связаны формульным стилем, как слова группы "истина". Обнаружить более или менее строгую систему в употреблении слов этой группы, обусловленную метрическими или семантическими ограничениями, нам не удалось. Таким образом, лексическая группа "ложь" оказалась во всех отношениях асимметричной группе "истина".

В центре данной группы стоит слово ψεῦδος с производными. Автором предложена следующая классификация его значений (в скобках указано количество примеров):

1. ложь (о словах) (10);
2. ложные предсказания (2);
3. невероятное сообщение (2);
4. вымышленные истории (5);
5. коварный замысел (1);
6. клятвопреступление (2);
7. ошибка, заблуждение (2);
8. несправедливость (1);
9. имя нимфы (1).

Предложенная нами классификация довольно подробна. Это свидетельствует о том, что понятие лжи у Гомера предельно конкретно.

Круг значений ψεῦδος и ψεῦδομαι у Гесиода очевидно уже, чем у Гомера. К правде и лжи у него иное, по сравнению с Гомером, отношение. Гесиод ценит благоразумие, житейскую мудрость и не высказывает ни малейшего восторга по поводу какой-либо хитрости. Так, обман Прометея расценивается как преступная дерзость, заслуживающая наказания. Слова, производные от ψεῦδος, δόλος, всегда имеют отрицательное значение, κέρδος уже значит не "хитрость" (нередко полезная), но "прибыль".

С другой стороны, у существительного ψεῦδος, начиная с Гесиода, можно фиксировать новую область приложения. У Гомера оно может значить "вымысел", но никогда не относится к поэзии; как правило, речь идет об историях, которые рассказывает Одиссей. Гесиод же впервые назвал поэзию ложью и дал начало своеобразной традиции¹. Знаменитые слова Муз в стихах 27–28 гесиодовского пролога к "Теогонии" вызвали большое количество реминисценций в греческой поэзии и прозе, вплоть до известной пословицы πολλὰ ψεύδονται ἄοιδοί (Sol. fr. 21 D.=Pseudoepigr. I p. 371. 49, II p. 128, 2).

¹ Pind. Ol. I, 29; Nem. I, 18; VII, 22; Anacr. 115, 2 Diehl; Thgn. 713; Isocr. Panath. 78; Arist. Poet. 1460 a 18; Pl. Resp. 386 d 2-3; Hor. A. P. 338 etc.

В конце концов, Гесиод и сам не избежал участи быть причисленным к лжецам. Ксенофан, которого Секст Эмпирик в "Пирроновых положениях" назвал Ὀμηρολόγης ἐπισκόπτης, что значит "насмешник над гомеровской ложью", весьма просто разрешает спор о соотношении правды и вымысла в поэзии Гомера и Гесиода, считая обоих лжецами, сочинившими небылицы о греческих богах (fr.10 Diehl).

Слова основного слоя группы "ложь" охватывают следующий диапазон значений: ложь, ложные предсказания, невероятное сообщение, вымышленные истории, вымысел, коварный замысел, коварство, козни, клятвопреступление, ошибка, заблуждение, несправедливость, обман, любовное обольщение, соблазнение, хитрость.

Два пассажа в этой главе касаются текстологии спорных мест.

Первый из них посвящен анализу одного гомеровского стиха в связи с проблемой различного деления текста на слова. Собственно говоря, "наш" текст гомеровских поэм можно считать, разумеется, с многочисленными оговорками, результатом интерпретации александрийских филологов, расчленивших его на слова с помощью надстрочных знаков и пояснений *expressis verbis*. Не удивительно поэтому, что различное разделение текста на слова принадлежит к одному из наиболее часто встречающихся источников разночтений, так называемых *variae lectiones*.

Речь пойдет о разночтении в стихе II. XIX, 107: *ψευστήσεις* versus *ψεύστης εἰς*. Эта строка встречается в истории о том, как Гера наперекор Зевсу, однако в соответствии с его предсказанием и благодаря его клятве, сделала царем аргосцев не Геракла, а Еврисфея (II. XIX, 101–113): "...Гера, замышляя коварство, сказала ему: "Ты солжешь – *ψευστήσεις* – и не исполнишь слово (Ты лжец – *ψεύστης εἰς* – и ты не исполнишь слово)..."

Почти все издатели "Илиады" читают *ψευστήσεις* в одно слово, в лучшем случае отмечая существующий вариант *ψεύστης εἰς* в аппарате. Назовем имена лишь самых авторитетных из них в хронологическом порядке: Гейне, Людвиг, Лиф, Аллен, ван Тиль. В аппарате издания Мазона содержится характерная ремарка: *ψεύστης εἰς quidam absurde*. Наконец, по мнению автора комментария к XIX песни М. Эдвардса, *ψευστήσεις* предпочтительно как *lectio difficilior*.

И все же при внимательном чтении этого пассажа слитный вариант $\psi\epsilon\upsilon\sigma\tau\acute{\eta}\sigma\epsilon\iota\varsigma$, "ты солжешь", становится своего рода *punctum suspicandi*. Во-первых, странным кажется будущее время глагола в словах, которыми Гера характеризует только что прозвучавшую речь Зевса. Во-вторых, $\psi\epsilon\acute{\upsilon}\sigma\tau\eta\varsigma$, "лжец", в начале стиха, без сомнения, звучит более экспрессивно и в большей степени соответствует ситуации: ведь Гера намеренно провоцирует гнев Зевса, чтобы затем поймать его на слове и заручиться необходимой ей клятвой. Так понимает слова Геры уже античный комментатор: $\epsilon\acute{\iota}\kappa\acute{o}\tau\omega\varsigma \psi\epsilon\acute{\upsilon}\delta\epsilon\sigma\theta\alpha\iota \alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu \phi\eta\sigma\iota\nu, \acute{\epsilon}\rho\epsilon\theta\acute{\iota}\zeta\omicron\upsilon\sigma\sigma\alpha \acute{\epsilon}\pi\acute{\iota} \tau\acute{o}\nu \acute{\omicron}\rho\kappa\omicron\nu$ "правдоподобно, чтобы, подстрекая к клятве, она сказала, что он имеет привычку лгать" (b (VCE³E⁴) T).

Хотя начало стиха II. XIX, 107 не часто привлекало внимание ученых, нельзя сказать, чтобы им вовсе не интересовались. Чтение $\psi\epsilon\acute{\upsilon}\sigma\tau\eta\varsigma \acute{\epsilon}\acute{\iota}\varsigma$ вопреки традиции принял И. Беккер во втором издании *Илиады* (1858), а также А. Наук (1877), из предисловия к изданию *Илиады* которого ясно, что его выбор обусловлен полемикой с теми, кто, по его мнению, слепо следовал Аристарху, как в античности, так и в Новое время, в частности, с Людвихом.

Из схолиев следует, что мнение Аристарха сыграло определяющую роль в том, что в дальнейшей рукописной, а затем и книгопечатной издательской традиции $\Psi\epsilon\upsilon\sigma\tau\eta\sigma\epsilon\iota\varsigma$ фиксировалось слитно. В то же время можно с уверенностью предположить, что Аристарху был известен вариант раздельного чтения, который охарактеризован в схолиях как неуместный ($\acute{\alpha}\tau\omicron\pi\omicron\nu$). Наконец, очевидно, что аргумент Аристарха, а возможно и тех, кто ссылался на него, имеет не лингвистический, а скорее моралистический характер.

Действительно, слово $\psi\epsilon\acute{\upsilon}\sigma\tau\eta\varsigma$ у Гомера и впоследствии в поэзии эпохи архаики, имеет отчетливо оскорбительное значение "лжец", например, у Эпименида в убийственной характеристике критян: $\text{Κρήτες ἀεὶ ψεύσταί, κακά θηρία, γαστέρες ἀργαί}$ ("критяне всегда лжецы, подлые скоты, праздные утробы") (3 В 1 DK). Анализ лексики, которую употребляет гомеровская Гера, когда бранится с Зевсом и другими богами, показывает, что она вполне могла употребить и слово $\psi\epsilon\acute{\upsilon}\sigma\tau\eta\varsigma$.

Главное же, что ни глагол $\psi\epsilon\upsilon\sigma\tau\acute{\epsilon}\omega$, ни $\psi\epsilon\upsilon\sigma\tau\acute{\alpha}\omega$ не засвидетельствованы в греческой литературе нигде, кроме небесспорного II. XIX, 107. У Гомера встречается лишь глагол $\psi\epsilon\acute{\upsilon}\delta\omicron\mu\alpha\iota$. Согласно данным этимологических словарей, от

таких слов, как γνώστης, δικαστής, δράστης, δυνάστης и др., деноминативные глаголы нередко не образуются вовсе (напр., от βιαστής, λούστης, μύστης и т. д.), а если образуются, то на -στεύω, а не на -στέω (γνώστης – γνωστεύω, λογιστής – λογιστεύω, νήστης – νηστεύω etc.).

С другой стороны, словообразовательная модель для деноминативов на -στέω, к которым принято относить ψευστήσεις, такова, что подавляющее большинство этих глаголов (около 100) являются приставочными или композитами, напр., συμπερινοστέω, χαμαιδικαστέω, ἀπιστέω. Они образованы от сложных прилагательных на -στος: ἀχάριστος – ἀχαριστέω, εὐχάριστος – εὐχαριστέω, ἀγέλαστος – ἀγελαστέω, ἀόριστος – ἀοριστέω, ἄχρηστος – ἀχρηστέω, весьма редко на -στης: κηροπλάστης – κηροπλαστέω. Таким образом, видно, что тенденция образования деноминативов на -στέω отчетливо выражена, глагол же ψευστέω в нее не вписывается.

Итак, перед нами еще один пример так называемой "аристархомании" (*Aristarchomania*), возникшей еще в античности. Достаточно вспомнить, что стоик Панетий, восхищаясь искусством Аристарха толковать поэзию древних, назвал его "провидцем" (μάντις). В Новое время "аристархомания" получила второе дыхание, после того как в XVIII в. была обнаружена Венецианская рукопись (A: Venetus 454, s. X), сохранившая критические замечания Аристарха к тексту Гомера в так называемом "комментарии четырех мужей" (VMK). В течение двух последних столетий отношение к Аристарху и его методу постоянно менялось, что нашло отражение в различных подходах к изданию гомеровских поэм. В последнее десятилетие вышло два издания, в которых отражены противоположные точки зрения на эту проблему: "Илиада" Людвигха, крайнего "неоаристархианца", переизданная в 1995 г. (=1907), и "Илиада" "антиаристархианца" Уэста, изданная в 1998–2000 гг.

Подводя итог, скажем, что в II. XIX, 107, на наш взгляд, предпочтительнее хорошо засвидетельствованное слово ψεύστης, которое делает текст более резким и выразительным, чем не только нигде более не засвидетельствованный, но и неправдоподобный гапакс, смягчающий слова Геры и, поэтому, очевидно, более приемлемый для "Илиады" Аристарха.

В разделе нашей классификации "клятвопреступление" приводится пример II. IV, 235. В нем также есть *varia lectio ἐπὶ ψεύδεσσι versus ἐπὶ ψευδέσσι*: οὐ γὰρ ἐπὶ ψευδέσσι πατήρ Ζεὺς ἔσσειτ' ἄρωγός ("ведь Зевс отец не станет помощником на стороне лжецов = нарушивших клятву").

Очевидно, что разночтение возникает из-за необычной конструкции, которая больше нигде не встречается у Гомера: ἐπί + dat. с ἄρωγός. Ἄρωγός мы находим в обеих поэмах 6 раз, причем всегда с дативом лица, поэтому чтение ἐπὶ ψεύδεσσι ἄρωγός, "помощник при лжи, на стороне лжи" смутило уже Аристарха. Из схолиев, цитирующих Геродиана, видно, что Аристарх читал ἐπὶ ψευδέσσι ἄρωγός "помощник на стороне лжецов" (Ἀρίσταρχος ἀναγιγνώσκει ψευδέσσι ὡς σαφέσσι τοῦτο γὰρ φησι θέλει δηλοῦν· οὐ γὰρ τοῖς ψεύσταις Τρωσὶ βοηθεῖ ὁ Ζεὺς).

Между тем в гомеровских поэмах не встречается прилагательное ψευδής. На это тоже обратили внимание уже александрийские грамматίки. Текст схолиев отражает полемику вокруг стиха 235: Гермаппий читает ἐπὶ ψεύδεσσι, поскольку, по его словам, поэт не употребляет просто ψευδής, но лишь в составе сложных слов (ἄψευδής II. XVIII, 46, φιλοψευδής II. XVII, 164). Одно¹¹⁰ Геродиан предпочитает Гермаппию, малоизвестному грамматіку, жившему после Аристарха (в схолиях он цитируется еще 2 лишь раза: II. IX, 326, II. XVIII, 137), авторитетное мнение Аристарха (καὶ μᾶλλον π<ε>στέον Ἀριστάρχῳ ἢ τῷ Ἑρμαππία, καὶ δοκεῖ ἀληθεύειν Α).

Большинство издателей следуют Аристарху: Людвиг, Амайс, Хенце, Кауэр, Аллен etc. Чтение Гермаппия ἐπὶ ψεύδεσσι принимают Лиф, Мазон, Уэст.

В гомеровских поэмах не встречается не только ψευδής, но и вообще прилагательные на -ης, -ες, если это не композиты (μένος – δυσμενής, νέφος – κελαινεφής, ψεῦδος – ἀψευδής; σφάλλω – ἀσφαλής, λήθω – ἀληθής и т. д.) Об этом явлении пишут Вакернагель и Риш.

Примем ли мы чтение ἐπὶ ψεύδεσσι или ἐπὶ ψευδέσσι, остается проблема с необычной конструкцией ἐπί + dat. с ἄρωγός, на которую указывает Д. Монро в грамматике гомеровского диалекта. Устранить эту сложность пытались уже в античности. Так в схолиях приводится толкование, предлагающее видеть здесь тмесис ἐπαρωγός: ἐπί и ἄρωγός (ἢ δὲ ἐπὶ πρὸς τὸ ἄρωγός b T). И хотя это толкование

принимается во внимание в комментарии к изданию "Илиады" Амайса и Хенце, нам кажется, что его трудно доказать, поскольку ἐπαρωγός встречается всего лишьⁱⁱⁱ один раз в "Одиссее" XI, 498.

На наш взгляд, все проблемы этого стиха остроумно разрешает конъектура Пауля Мааса: и датив лица при ἄρωγός, и необычное ἐπί, и необходимость выбора между ἐπὶ ψεύδεσσι и ἐπὶ ψευδέσσι. Маас предлагает не делать словораздела между ἐπὶ и ψευδέσσι и читать ἐπιψευδέσσι. Прилагательное ἐπιψευδής он толкует как синоним к ἐπίορκος. Единственный серьезный недостаток этой конъектуры заключается в том, что Маас предлагает гапакс: прилагательное ἐπιψευδής не встречается ни в литературных текстах, ни в надписях. С другой стороны, хорошо засвидетельствован глагол ἐπιψεύδομαι.

Вслед за М. Лойманном мы склоняемся к тому, чтобы принять чтение ἐπιψευδέσσι ex coniectura. Кроме того, мы предлагаем еще один аргумент в пользу этой конъектуры. В сочинении христианского автора IV в. Дидима Слепого "О Троице" мы обнаружили цитату из Гомера – стих II. IV, 235 с чтением ἐπιψεύδεσσι (De trinitate, 540 B 8). Ни Маас, ни кто-либо другой эту цитату не упоминает. К сожалению, мы не знаем, что стоит в рукописи Дидима, поскольку в аппарате издания И. Зайлера² интересующий нас стих обойден молчанием. Однако именно это и позволяет нам предположить, что чтение ἐπιψεύδεσσι рукописное, поскольку Зайлер регулярно отмечает конъектуры. Кроме того, в христианской литературе IV в. глагол ἐπιψεύδομαι становится более употребительным, чем раньше, переходя из одного сочинения в другое приблизительно в одинаковом "окружении", так что согласно данным *TLG* в IV в. он встречается 14 раз – чаще, чем от Ксенофонта до Лукиана включительно. Сам Дидим дважды употребляет причастие ἐπιψευδομένοι в *Commentaria in Zachariam* 3. 158. 7; 3. 245. 4. Можно предположить, что Дидим либо цитировал по памяти и написал ἐπιψεύδεσσι под влиянием хорошо знакомого глагола ἐπιψεύδομαι, либо располагал рукописью "Илиады" с таким чтением.

Итак, если наше предположение верно и слово ἐπιψευδής существовало в языке, то оно могло значить не просто "лжец", но быть синонимом к ἐπίορκος, "нарушитель клятвы".

² Didymus Caecus. De trinitate / Ed. I. Seiler. Meisenheim am Glan, 1975.

Поскольку дальнейший анализ слов лексико-семантической группы "ложь" показывает, что большая их часть употребляется в метафорах, рассмотрение этой лексики следует вести в контексте поэтики метафор. Таким образом, гомеровские метафоры, связанные с ложью, выносятся в отдельную, третью главу.

Глава III. Метафорические выражения со значением "истина-ложь"

§ 1. "Ремесленные" метафоры правды и лжи у Гомера

Метафоры "плести, ткать, сшивать, тесать слова, песнь, похвалу" широко распространены в индоевропейских языках. Р. Шмитт, опираясь на примеры из древнеиндийского, авестийского, древнеирландского, древнеанглийского, древнегреческого и латинского языков, проецирует их в праиндоевропейское прошлое, полагая, что они могли возникнуть в разных языках по существовавшей семантической модели.

В этой части III главы показано, как реализовалась эта модель в древнегреческом языке, а именно в гомеровском эпосе. "Ремесленная" метафора развивалась в двух направлениях: с одной стороны, она была связана с ораторским искусством, с другой стороны, с темой коварных замыслов и обманов ("строить козни"). При этом последняя метафора встречается чаще и представлена более разнообразно сочетаниями слов *δόλον* (-ους), *μῆτιν* или *κακά* со следующими ремесленными глаголами: *ὑφαίνειν* – ткать, *τολυτεύειν* – распутывать клубок, *ῥάπτειν* – шить, *τεύχειν* – строить, *ἄρτύειν* – прилаживать, *βυσσοδομεύειν* – строить в морской глубине (гипотетическому значению этого глагола посвящено специальное эссе), *τεκταίνομαι* – плотничать. Кроме того, *ἔπος παρατεκτήνωιο*, что означает "ты, пожалуй, соверши".

Метафору же речей создает лишь глагол "ткать": *μύθους καὶ μῆδεα πᾶσιν ὑφαίνων, μῆτιν ὑφαίνειν* (2 раза), что в контексте значит "излагать план".

Следующий неожиданный вывод заключается в том, что "ремесленная" метафора поэтического творчества у Гомера отсутствует³.

Любопытно параллельное развитие в русском языке: "плетословие" дает термин, характеризующий определенный стиль, "плетение словес" или "извитие

³ "Ремесленная" метафора поэтического творчества широко распространена в греческой литературе после Гомера; см., например: Pind., Nem. IV, 44; Ar. Ran. passim.

словес" (впервые встречается в XV в. в "Житии Стефана Пермского" Епифания Премудрого), и слово "сплетня" (впервые засвидетельствовано до XIV в.). Семантической параллелью к "сплетне" будет слово "каверза" (известное с первой половины XVII в.), образованное от корня *vьgz-, "соединять, связывать, плести".

Наконец, анализ "ремесленных" метафор у Гомера позволяет предположить, что Пиндар в 112–114 стихах третьей Пифийской оды, где поэты названы "мудрыми плотниками слов", опирается на стихи "Илиады" VII, 323–325 (IX, 92–94); X, 17–19 и на неизвестный нам эпос, в котором встречалось выражение τέκτονας ἐπέων.

§ 2. "Правда – кривда"

а) Об антитезе $\sigma\kappa\omicron\lambda\omicron\varsigma$ - $\iota\theta\acute{\upsilon}\varsigma$ / $\omicron\rho\theta\acute{o}\varsigma$ в эпосе и лирике

Другая метафора, связанная с "правдой" и "ложью", возникает из представления о прямом и окольном пути. В этом разделе, посвященном эволюции антитезы "прямой – кривой" на примере гомеровских выражений "прямые – кривые суды", сделаны некоторые наблюдения над развитием значений и "взаимоотношениями" синонимов $\iota\theta\acute{\upsilon}\varsigma$ ($\epsilon\upsilon\theta\acute{\upsilon}\varsigma$) и $\omicron\rho\theta\acute{o}\varsigma$ ("прямой, справедливый, правильный") в греческой литературе эпохи архаики.

б) Слова с $\pi\alpha\rho\alpha$ - ("говорить обиняком, нести околесицу")

Образ "кривды" может быть выражен словами, которые имеют семантику отклонения от прямого пути, т. е. от истины, а именно, словами с приставкой $\pi\alpha\rho\alpha$ -.

§ 3. О ложных снах, слоновой кости и глаголе $\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\phi\acute{\alpha}\rho\omicron\mu\alpha$ (Od. XIX, 560–569)

Евстафий (713, 30–31) в комментарии к "Одиссее" замечательно характеризует усилия своих предшественников разгадать тайну гомеровских ворот из слоновой кости и из рога, через которые выходят лживые и правдивые сны: "τὰς τῶν ὀνείρων ταύτας θύρας ἐξέτριψαν πολλοὶ τῶν σοφῶν" ("много ученых истерло эти ворота снов").

Стихи Od. XIX, 560–569 звучат так, как будто передают какое-то народное верование. Однако, поскольку все упоминания в греческой и римской литературе о воротах из слоновой кости и из рога и снах восходят к Гомеру, поскольку среди фольклорных мотивов не встречается подобная пара ворот⁴ (кстати, новизна

⁴ Thompson S. The motives of folk-literature. Vol. 1-4. Bloomington, 1932-36.

слоновой кости в эпоху "Одиссеи" также показывает, что это представление нетрадиционно), можно предположить, что этот образ принадлежит автору "Одиссеи". В то же время, вряд ли Гомеру принадлежит само представление о воротах сна (Od. IV, 809), о существовании народа снов (Od. XXIV, 12), о том, что сны подобны душам умерших (Od. XI, 207). Такого рода легенды о снах характерны не только для греков, но и для других народов.

В данном пассаже встречается глагол ἐλεφαίρομαι, который традиционно понимают как "обманывать" (речь идет о снах, выходящих из ворот слоновой кости). Автор доказывает, что редкий поэтический глагол ἐλεφαίρομαι, который после Гомера и Гесиода вышел из употребления и стал достоянием лишь схолиастов и лексикографов, является более выразительным синонимом βλάπτω "губить", что вполне соответствует представлению о губительных снах в гомеровских поэмах (напр., сон Агамемнона, посланный Зевсом). Образ лживых снов мог возникнуть под влиянием пассажа о снах у Вергилия (о влиянии знаменитой имитации Вергилия на восприятие стихов Гомера упоминает Дж. Руссо в комментарии к стихам "Одиссеи" XIX, 565-567). Вергилий, собственно, переводит Гомера, опуская игру слов и не воспроизводя энигматический характер гомеровских стихов, но прямо отвечая на загадку Гомера: "veris umbris", "falsa insomnia". У Гомера же по созвучию с ἐλεφαίρονται (а не наоборот) появляется слово ἐλέφας. Рога коровы и рога слона (а именно так – κέρατα – говорит о бивнях схолиаст) – удачный образ для антитезы: одни дешевы, доступны и хорошо знакомы, другие дороги, служат материалом для изысканных вещей, нередко привозных и необычных. Поэтому рядом с ἐλέφας стоит κέρας. По созвучию с κέρας вместо обычного глагола, указывающего на осуществление снов, τελεθεῖν, τελέομαι (Il. II, 36; Od. XIX, 561), появляется неожиданный глагол κραίνειν и выражение ἔπε' ἀκράαντα.

У Гомера есть другой пример того, как игра слов, основанная на аллитерации, (не ясно, правда, осознанная ли) создает поэтический образ: поколения людей (φῶλα) уподобляются листьям (φύλλα) (Il. VI, 146).

Таким образом, мы предполагаем, что загадочный образ ворот из слоновой кости, из которых выходят губительные (ложные) сны, принадлежит самому автору "Одиссеи", небезразличному к народным этимологиям на основе

парономасии (ср.: знаменитое место в Od. XIX, 407, где имя Одиссея объясняется тем, что так его нарек дед Автолик, который был в тот момент рассержен ὀδυσσάμενος. Или: Χαρύβδα – ἀναρυβδεῖ Od. XII, 104; Σκύλλη – λελακυῖα – σκύλακος Od. XII, 85-86 etc.).

Выражение "ворота из слоновой кости" после Гомера иносказательно связано с ложью, выйти из этих ворот значит "солгать" (Lucianus Ver. hist. II, 32–33).

§ 4. Воровство – обман

а) О выражении μὴ ... κλέπτε νόφ у Гомера II. I, 131132

Значение обмана, которое присутствует в семантике глагола κλέπτειν, выступает на первый план в метафоре κλέπτειν νόον. На наш взгляд, более экспрессивное выражение μὴ ... κλέπτε νόφ "не кради умом" является минимальной модификацией формулы μὴ κεῖθε νόφ "не скрывай, не утаивай в уме", встречающейся в той же песни II. I, 363.

б) Гомеровская формула ἐπίκλοπος ἔπλεο + gen.

К лексико-семантической группе слов со значением "воровства, обмана", кроме глагола κλέπτειν, в архаическом эпосе относятся следующие производные от корня *klep- / *klop-: существительное κλεπτοσύνη "хитрость" (Od. XIX, 396) и прилагательные κλόπιος "хитрый" (Od. XIII, 295), κλεψίφρων "хитроумный, одурачивающий" (Hymn. Merc. 413) и ἐπίκλοπος "ловкий" (ср. в русском "заворуй" – "наглый плут" [Срезневский]). В этом разделе рассматривается ряд вопросов, связанных с семантикой, стилистической принадлежностью прилагательного слова ἐπίκλοπος, а также с текстологией Od. XXI, 397.

§ 5. "Имей нрав хитроумного полипа..."

С глубокой древности животным приписывают те или иные качества человека. Так, кот олицетворяет независимость, лев – властность, змея – мудрость, а осел – глупость. Греки в этом смысле не являются исключением, достаточно вспомнить разнообразие басен Эзопова корпуса. Однако животных, которые ассоциировались бы у греков архаической эпохи исключительно (а не окказионально) с истиной, обнаружить не удалось. Что касается животных, которые олицетворяли бы хитрость, то особое место у греков занимали лиса и полип.

Эта часть работы посвящена полипу⁵, в частности, отношению греков к его умению приспосабливаться к окружающей среде и менять цвет, а следовательно, и вообще к такому качеству как мимикрия. Хорошо известно, что свойством изменять цвет и сливаться с окружающей средой обладает хамелеон, поэтому в фольклоре и литературе разных народов именно он олицетворяет "приспособленца". Однако, судя по количеству упоминаний хамелеона и осьминога в дошедшей до нас древнегреческой литературе, у греков в этой области приоритет был за осьминогом.

Рассмотрев все места в греческой литературе, в которых упоминается ум полипа-многоножки, сохранившиеся по большей части в виде поэтических фрагментов (самым известными из них и почти единственными не фрагментарными являются стихи 213–218 Феогида), мы обнаружили, что почти все они написаны в поучительном стиле и имеют похожую композицию. Они содержат обращение, императив или инфинитив в функции императива и сравнение с полипом. Очевидно, перед нами определенный сложившийся и литературно оформленный топос, который можно условно назвать "топосом мимикрии".

Насколько нам известно, этот топос не был специально исследован и описан, поэтому в диссертации приводится его детальный анализ: выделяются ключевые слова, которые распределяются по следующим группам.

1. Полип, скала, кожа (цвет).
2. Слова со значением "приспосабливаться, изменяться, общаться", а также выражение "всякий раз новый".
3. Ум, мысль, нрав, характер.
4. К кому рекомендуется приспосабливаться? К городам и странам. К друзьям. К мужу.

В контексте рассмотренных пассажей становится ясно, что выражение «иметь ум полипа» значит «быть умным».

Тема переменчивости полипа оказалась косвенно связанной с еще одним интересным вопросом: что значит слово *πολύτροπος*. В первой же строке "Одиссеи"

⁵ Согласно "Глоссарию греческих рыб" Томпсона *πολύπους* (*πολύπους* в поэзии) это *octopus* – осьминог.

ее главный герой назван *πολύτροπος*. Словарь *LSJ* (Liddell H. G. and Scott Jones R. "A Greek-English Lexicon") предлагает понимать этот эпитет Одиссея как "much-turned, i.e. much-travelled, much-wandering" ("тот, кому довелось много скитаться"). Споры о значении этого слова возникли еще в античности, поскольку уже тогда было неясно, говорит ли оно о многочисленных хитростях Одиссея или о его скитаниях. Искусный перевод Ливия Андроника *vir versutus* (Poet. I) сохраняет двусмысленность оригинала.

Небесполезно привлечь к толкованию слова *πολύτροπος* стих Евполида ἀνὴρ πολίτης *πολύτροπος* ἐς τοὺς τρόπους (fr. 117 K–A) ("Муж, в качестве гражданина оборачивающийся то так, то эдак, как полип"), который словно бы поясняет смысл слова *πολύτροπος*. Все это позволяет предположить, что *πολύτροπος* по отношению к Одиссею, кроме значения "тот, у кого на пути много поворотов", может иметь и иные оттенки смысла и вызывать следующие ассоциации: "тот, кто многообразен, предприимчив и умеет оборачиваться, быть разным в разных обстоятельствах".

От поздней литературы сохранился лишь один пример сравнения человека с полипом (Orac. Sibyll. II, 121 = Ps.-Phocyl. 49):. Это пример негативного отношения к переменчивости нрава. Разумеется, невозможно говорить о динамике отношения к умению приспособляться как о чем-то однородном и прямолинейном, поскольку и само приспособление людей друг к другу имеет различные оттенки: от тактичности до подхалимства. Несколько утрируя, можно все же сказать, что качества, похвальные для грека времен великой колонизации, постепенно становятся неприятны греку V в. до н. э. и ненавистны морализаторам более поздней эпохи.

Заключение

Перефразируя слова замечательного гебраиста И. Д. Амусина о свободе и рабстве, скажем, что "истина-ложь" также понятия бинарные: "Подобно понятиям "свет-тьма", "день-ночь", "тепло-холод" и т. п., они неотделимы друг от друга, не могут возникнуть и существовать друг без друга".

Однако лексико-семантическое поле "истины" не симметрично полю "лжи". Например, в раннегреческом эпосе нет глагола "говорить правду", но есть ψεύδομαι. Автор приходит к выводу, который может показаться малоутешительным, зато правдиво отражающим природу человека: лексика и

метафорика лжи, коварства и обманов представлена в^{iv}древнегреческом языке гораздо разнообразнее, чем лексика правды. Однако такая картина характерна не только для греческого языка. Подобный семасиологический ряд для индоевропейских языков можно найти в статье Фриска "Wahrheit und Lüge in den indogermanischen Sprachen". В конце статьи Фриск заключает: хотя слово "ложь" не имеет этимологии, восходящей к праязыку, как это можно сказать об истине *satya-* (ἔτεός), однако это не значит, что "ложь" – понятие более позднее, чем "истина". Ложь выступает в многочисленных, всегда разнообразных формах, в то время как статичная правда даже в меняющихся названиях остается той же самой: "ἄπλοῦς ὁ μῦθος τῆς ἀληθείας ἔφν".

Полученные нами выводы прямо противоположны тем, к которым пришел Э. Милерт, исследовавший лексику "истины и лжи" в аттической трагедии: он полагал, что негативный феномен в греческой лексике с указанной семантикой представлен менее широко, чем позитивный.

Наш анализ показывает, что лексико-семантическое поле "истины" сложилось в древнегреческом языке уже во времена Гомера и фактически более не пополнялось, если не считать слово *ἀκριβής*. Можно говорить об изменениях, которые происходили в пределах этого семантического поля: появление новых производных слов; расширение значения одних слов и, наоборот, "архаизация" других, рассматривавшихся впоследствии как устаревшие. В некоторых случаях можно проследить причины, обусловившие тенденции развития значения того или иного слова. Так, например, на появление этического значения у *ὀρθός* мог повлиять оттенок значения вертикальной прямизны, свойственный этому слову; почти полное исчезновение *νημερτής* после Гомера объясняется его принадлежностью к словам исключительно поэтическим, оно употреблялось по большей части для характеристики прорицателей и богов.

Можно даже говорить о том, что после Гомера лексическое поле "истины" сужается. Это связано с тем, что у Гомера (как было показано в главе I) существует набор формул с близким значением, нередко взаимозаменяемых, однако, как правило, соответственно распределяющихся в связи с различными типическими сценами (знакомство, перечисление точных сведений, расспросы или допросы и т. п.). Иначе говоря, у Гомера существует, на наш взгляд, некая система, в которую

вписываются слова с различными оттенками собственного или формульного значения. В ней различается слой так называемых es-слов и слой композитов, построенных по одинаковой словообразовательной модели и имеющих в основе своей различные метафоры. Эта система обусловлена особенностями эпического жанра, следовательно, после Гомера она оказывается невостребованной, что, естественно, ведет к ее исчезновению как системы и упрощению лексического многообразия поля "истины".

Впоследствии более важным в отношении "истины" становится содержание, суть вещей, а не точность передачи сведений (в главе I было показано, что эпический язык недостаточно различает истинность информации и отчетливость ее изложения). На первый план выступает онтологическое значение "истины", обусловленное размышлениями о природе вещей, этическое значение, связанное с человеческой природой и понятием справедливости, и значение точности, столь необходимое для описания научных знаний в разных областях.

Лексико-семантическое поле "лжи" продолжает активно формироваться после Гомера. Речь идет не только о словообразовании или переосмыслении значений слов, но и о появлении новых образов, метафор и, следовательно, новой лексики. Ложь существует только в восприятии людей, поэтому она по необходимости связана с понятиями νόος, μῆτις, ἔπος и разнообразна, как сама жизнь.

Латач и Ян показали, что в древнегреческом языке существовала более тонкая градация значений слов, связанных с понятиями души и духа. Мы уверены, что для понятий истины и лжи такой вывод не менее справедлив.

В диссертации собрана не только лексика, связанная с понятием "истины" и "лжи" в раннегреческом эпосе, но и метафорика: "ремесленные" метафоры, метафора прямого и кривого пути, иносказательные выражения для истины и лжи, связанные со сном, с воротами из слоновой кости и из рога и т. д.; наконец, описан мотив "мимикрии" ("имей нрав хитроумного полипа") и показано, какие животные ассоциировались у греков в это время с лживостью.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

- 1) Homerus II. XII, 433: ἀληθής или ἀλῆτις? // ΜΟΥΣΕΙΟΝ: Сб. статей к 70-летию проф. А. И. Зайцева / Отв. ред. В. С. Дуров. СПб., 1997. С. 46–55.
- 2) Влияние Hes. Theog. 27–28 на историю слова ἀληθής // Индоевропейское языкознание и классическая филология: Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб., 1998. С. 22–25.
- 3) О "ремесленных" метафорах правды и лжи у Гомера // Linguistica et Philologica: Сб. статей к 75-летию со дня рождения Ю. В. Откупщикова / Отв. ред. А. И. Зайцев. СПб., 1999. С. 256–264.
- 4) Гомеровская формула ἐπίκλοπος ἔπλεο + γεν // Индоевропейское языкознание и классическая филология: Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб., 2000. С. 25–28.
- 5) II. XIX, 107: ΨΕΥΣΤΗΣΕΙΣ V. ΨΕΥΣΤΗΣ ΕΙΣ, или Могла ли Гера сказать Зевсу: "Ты лжец"? // Hyperboreus 2001. Vol. 7. Fasc. 1–2. С. 60–72.

